

		тыс. кв. км.
разграничения и до уступки Японии южной части Сахалина. 7)	21.999	» » »
17. Та же площадь по Стрельбицкому (без значительных внутренних вод)	21.995	» » »
18. Площадь южной части Сахалина (принадлежала России с 1875 г.; уступлена Японии в 1905 г.)	34	» » »
19. Площадь территорий, отошедших после революции к лимитрофным государствам. 8)	809	» » »
20. Теоретически исчисленная площадь СССР, в пределах границ довоенной России (т. е. без вновь присоединенных арктических земель)	21.156	» » »

ИЗ ОБЛАСТИ РУССКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Геополитика, наиболее молодая дисциплина в ряду других социологических дисциплин, занимается рассмотрением условий и форм жизни человеческих обществ. Точно так же, как может быть и, в действительности, есть морфология минерального и животного мира, так может быть и существует морфология политических образований. Все, что имеет форму и строение, может быть исследовано с морфологической стороны. И так как геополитические объекты обладают тем и другим, то и в области геополитической может быть применен морфологический метод.

Геополитика имеет дело с исключительно конкретным материалом; она занимается вопросами развития — вопросами жизни государственных образований, в связи с естественными, природными условиями их местонахождения. Иначе говоря — геополитика есть учение о жизни государственных образований в связи с их месторазвитием.

Русская научная мысль имеет предрасположение к проблемам геополитики. Она стала на геополитический путь в лице А. П. Шапова, Л. И. Мечникова, Д. И. Менделеева и Н. Я. Данилевского. Из современных русских ученых можно назвать А. Н. Фатеева и А. А. Крубера.

Основной темой сочинений А. П. Шапова является выяснение влияний, оказываемых естественными условиями на интеллектуальное развитие народа. Шапов описывал природу и прослеживал: как данная природа влияет на интеллект данного народа. Следуя отчасти за иностранными писателями, он делает попытку установления форм зависимости между климатом, почвой, характером населения, его законами и духовным развитием. Главным предметом шаповских исследований был русский народ, как субъект истории; и русская территория, как месторазвитие. Вот краткое резюме шаповских мыслей,

7) Сумма статей 7-ой—15-ой, с прибавлением не включенной в них площади южной части Сахалина (34 тыс. кв. км.) и за вычетом 12 тыс. кв. км., упомянутых в примечании первом. Если бы этот вычет не был сделан, то названная величина, учтенная в статьях и 7-ой и 8-ой, была бы посчитана дважды.

8) Кроме территории, упомянутых в примечаниях 2-ом, 4-ом и 5-ом, сюда включена и площадь в 10 тыс. кв. км., уступленная Финляндии на дальнем севере (Печенгский край).

повторяемое в ряде его произведений: «громкость пространства пахатных земель, лесов и неудобных местностей превышала землеустроительные силы народные... и... препятствовала умственному развитию... и... увеличению... общин». ¹⁾

Л. И. Мечников, в своем оригинальном труде «Цивилизация и великие исторические реки», дает замечательную гипотезу, сводящуюся — в общих чертах — к следующему:

Местом первоначального зарождения цивилизации нужно считать речные системы: дельта Нила (Египет), Тигр и Ефрат (Ассирия-Вавилония), Желтая и Голубая реки (Китай), Инд и Ганг (Индия).

Итак, в первой своей стадии цивилизация была так сказать *речной*. Впоследствии она переходит в *морскую* стадию. Именно в эту эпоху развивается могущество Карфагена, Рима. Бассейн Средиземного моря уже представляет собою в эту эпоху некоторое геополитическое единство.

Далее следует *океаническая* эпоха, океанический период развития цивилизации. Он знаменуется открытием двух Индий (Индия и Америка); в новую эпоху на исторической сцене появляются новые народы (испанцы, англичане). Океаническую эпоху Мечников называет всемирной. Мы живем именно в эту эпоху.

Теория Мечникова основывается на некотором универсальном принципе, который можно назвать г и д р о - политическим. В ее цельности, простоте и — в известной мере — правильности заключается ее преимущество сравнительно с расплывчатыми писаниями Шапова.

Однако, то, что составляет оригинальность его учения, одновременно несет в себе и его недостатки. Мечниковский гидро-политический метод, очень плодотворный в районе Средиземного моря; очень правильный, поскольку исследование замыкается рамками речных систем, — весьма мало пригоден в более широких масштабах и не объясняет природы, напр., континентальных месторазвитий и континентальных цивилизаций (ср. степные культуры).

Россия, пока ее история не вышла из стадии, в значительной мере определявшейся Великим путем из Варяг в Греки; пока история России оставалась в районах «Суздаля» или «Москвы» — она допускала гидро-политическое исследование и давала при этом известные положительные результаты... Однако, этот взгляд будет малопродуктивным, т. к. объясняет

¹⁾ Соч. А. П. Шапова, т. III: «Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа»; т. II: «Историко-географическое распределение русского населения» и др. Наша выписка взята из тома II-го, с. 232.

лишь одну — и относительно России — не столь значительную сторону явления. Можно даже сказать, что в приведенной выше выдержке из Шапова заключено больше геополитической правды (относительно России), чем в развитой сейчас схеме «по Мечникову».

Следующий из разбираемых авторов, Д. Ив. Менделеев, не только восполнил недостаток Мечникова, но и внес нечто самостоятельное в изучаемую нами область знания.

В книгах: «К познанию России» и «Заветные мысли» он вполне отчетливо оперирует с понятием месторазвития и ставит его в связь не только с внутренними геополитическими условиями, но и внешними. Именно ему принадлежит характеристика России, как срединного мира, лежащего между молотом и наковальней, между Европой и Азией.

В отношении собственно-географическом Менделеев произвел некоторый «переворот в мышлении», который только теперь начинает проникать в сознание современников: — Менделеев начертал новую карту местонахождения России на земном шаре. На этой карте Россия не разбивается на Европейскую и Азиатскую части, но — вопреки установившейся и до сих пор (!) упорно сохраняющейся, несмотря на всю очевидную нелепость, традиции — изображается цельным геополитическим телом. Если угодно, Менделеев также, отчасти, гидро-политик, — в том смысле, что он положил в основу своего картографического изображения России мысль, что она лежит на берегу Ледовитого океана. Менделеев придавал громадное значение «территории», — месторазвитию, он говорил: «Земля навсегда останется первою основою народности и государственности». Отсюда понятны его усилия, затраченные на определение географического центра России, связанного в свою очередь с центром народонаселения.

Определение центра населения России не являлось для Менделеева самодовлеющей задачей. Это определение было необходимо для постановки более широкой проблемы: — как, куда, как быстро двигается поток людей, живущих на пространствах России... А этот вопрос, в свою очередь, подчинен еще более важному: — каковы вообще закономерности в росте и движении народонаселения?...

Заметим, что для Менделеева вся совокупность жизненных вопросов сводилась к одному главному и основному — к вопросу о народе. С одной стороны — он утверждал, что народ является главным политическим и историческим двигателем; он говорит о влиянии «густоты населения на весь народный быт, даже на всю историю отдельных народов и всего человечества»... С другой стороны — Менделеев признавался: «для

меня высшая или важнейшая и гуманнейшая цель всякой политики яснее, проще и осязательнее всего выражается в выработке условий для размножения человеческого». ²⁾

Следовательно, на подобие мечниковскому универсальному гидро-политическому методу, Менделеев предлагает свой также универсальный метод, — этно-политический. Заслуга Менделеева в том, что он определил характер и так сказать «физиономию» — «ландшафт» российского месторазвития и показал закономерности в движении народонаселения. В частности, им показана тенденция «центра населенности» России двигаться от Запада к Востоку. Отсюда он заключал, что будущее России на Востоке.

Самым смелым, законченным и оригинальным из русских геополитических учений является учение Н. Я. Данилевского.

Н. Я. Данилевский, недавно забытый, а ныне возрожденный в русском сознании и повторенный в иностранном («Закат Европы», О. Шпенглер), развивает учение, в котором приняты во внимание и естественные условия (как это делал еще Шапов), и общее строение и местонахождение (как это позже делали Мечников и Менделеев), и к этому присовокупляя движение идей в общей системе мировой истории. На основании широких аналогий и сопоставлений он строит в своей книге «Россия и Европа» теорию культурно-исторических типов — культурно-исторических субъектов истории.

Здесь уместно подчеркнуть важность последнего из указанных моментов. Человеческое познание есть также и самопознание. Субъект истории — величина живущая, познающая и самопознающая. Об этом и говорит Н. Я. Данилевский, и это обстоятельство вносит существенный элемент в наши понятия. — Дело идет о возможности оценить, стремиться и справиться, а, следовательно, — о поставлении целей. В этом именно месте в процесс стихийный, в процесс космический врывается новая над-природная сила — человеческой инициативы и человеческой целеустремленности.

Вводя понятие временности субъекта истории, Данилевский предлагает установить некоторую био-историческую периодизацию, подобную той, какая имеется в области растительной и животной жизни. Он различает период зарождения, расцвета и умирания тех образований, которые названы нами субъектами истории. ³⁾

²⁾ Д. Менделеев. К познанию России, изд. Миловиды, с. 14 и 24.

³⁾ «Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период

* * *

Итак, можно сказать, что геополитическое исследование ведется в двух основных направлениях и изучает два основных элемента:

1. Данное месторазвитие.
2. Данное субъекта истории.

Как было отмечено выше, человечество, занимающее поверхность земного шара, представляет собою объект геополитического исследования. При чем, в этом случае, месторазвитием будет весь земной шар, а субъектом истории — все человечество.

Исторически, исследовательская мысль двигалась параллельно изучению субъектом истории — человечеством — своего месторазвития — земного шара.

Сначала изучались ближайшие и меньшие объекты, потом — отдаленные и большие. В пределе — дело идет об интегральном изучении и освоении, если угодно — покорении человечеством земного шара, его природы, его сил.

Можно попытаться изобразить последовательность геополитического исследования следующей схемой:

1. В качестве субъекта истории выступает группа людей, напр., племя. Для него может быть определяющим простое (в отличие от сложного, к которому перейдем позже) месторазвитие.

Племя, живущее на берегу моря или озера, непременно будет заниматься рыболовством. Племя, живущее в лесу, будет работать по дереву, начиная с обычной эксплуатации лесных богатств и кончая выжиганием угля и пр.

Степь — определяет и создает степняка. Горы — горца. Между горцами Сицилии, Корсики, Сиерры-Невады и Кавказа больше сходства, чем между горцами Кавказа и недалеко от них кочующими ногайцами, или еще ближе живущими на плоскости русскими крестьянами... Вслед за А. Н. Фатеевым мы можем говорить о номадизации и аграризации человека природой.

Современность дает замечательнейшие примеры воздействия месторазвития на занятия, психику и даже социальный уклад человеческих обществ. Мы можем наблюдать опыты превращения кочевников в земледельцев, моногамистов в полигамистов, ремесленников и торговцев — в сельско-хозяйственных рабочих, а крестьян — в завязанных пролетариев. В Туркестане и Белуджистане живущие там народы «пере-

цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу». «Россия и Европа», 4-е изд., 1889, с. 96. Ср. сказанное в начале статьи о морфологии в геополитике.

деляются» из кочевников в аграриев. В Крыму и в Палестине еврей-ремесленники, торговцы и рабочие становятся хлебопашцами; в Сибири, в тайге, те же евреи перерождаются в таежников-лесников... В СССР происходит массовый процесс пролетаризации крестьянства. Можно сказать, что мы живем в эпоху, когда человек особенно энергично взялся за «переделку» мира, да и самого себя. Поэтому-то вопросы геополитики приобретают особую актуальность и зовут к себе внимание исследователя и общества.

2. Пойдем дальше. Возьмем не одно племя, но совокупность племен, при оставлении в силе второго условия (простое месторазвитие). В данном случае примером может служить, напр., моздокская степь Терского Края. Здесь, при наличии простого, равного для всех племен, месторазвития, могли быть наблюдаемы следующие особенности:

а. Осетинское селение. Весь социальный и бытовой уклады построены на началах родового быта. Прimitивное земледелие, экстенсивная система, зачаточное знакомство с сельско-хозяйственными орудиями производства, неорганизованный сбыт продуктов.

б. Казачья станица, скажем, Курская. Свообразная система наделов, станичный земельный фонд, общность пастбищ, покоев. Население живет «дворами», станицей управляет атаман и станичный сбор (говорю о до-военном времени).

в. Немецкая колонка, осевшая здесь не более нескольких десятилетий. Крайнее отграничение себя от внешнего мира, строгое соблюдение своего, немецкого бытового уклада жизни; индивидуальное хозяйство при широко-развитой системе общественной помощи и кредита. Плодопереманная система, обилие средств производства, организованный сбыт продуктов, совершенно особое — чужое и непонятное для окружающих — представление о семье и пр.

г. Русское, или — как в тех краях говорили — мужичье поселение. Здесь — остатки навыков земельной общины; отруб, выселки, хутора, индивидуальное хозяйство, аренда и пр. На одной улице живут богатей, содержащие нескольких батраков; на другой — несколько домов соединяются вместе на началах кооперации. Хаос земельных отношений пред-военной России в полной мере отражался на русских селениях, расположенных в степях на север от г. Моздока. Русский уклад жизни совершенно непохож ни на осетинский, ни на немецкий, ни на казачий.

д. Верстах в пятнадцати от ст. Курской лежит сел. Эдисия, там живут армяне, осевшие здесь еще при Екатерине II. У армян смесь родового быта и проростающего сквозь него нового быта, — основанного на началах индивидуального хо-

зяйства. В области управления: остатки прежних привилегий и новых уравнивательных административных тенденций (снизу — самоуправление, «сверху» — урядник из Моздока). е. На северо-восток от перечисленных селений, не более как в ста верстах, начинаются кочевья ногайцев. Таким образом, если между географическими пунктами «немецкая колонка» — «ногайское кочевье» пролегают сто верст, то между формами хозяйства, имеющимися в первом и во втором случае, пролегалает несколько сотен лет (ср. экономическую периодизацию некоторых европейских политико-экономистов, напр., Ф. Ли-ста).

ж. И там же, в этих степях, встречаются образцово-поставленные латифундии — громадные экономии каких-нибудь Яковенков или Мамантовых, в большинстве случаев сектантов, пришедших сюда из Таврии.

Добавим, что в настоящее время, по доходам из СССР сведениям, на Сев. Кавказе проведена сплошная коллективизация. Таким образом, указанные здесь различия, существовавшие несмотря на единство месторазвития, — по заданию — должны быть сравнены. Именно в этом пункте рельефно выступает значение человеческой инициативы и человеческого целеустремления, о котором было уже упомянуто. Дело идет о геополитической роли и геополитическом значении в л а с т и . Об этом скажем несколько ниже.

3. Перейдем к рассмотрению сложного субъекта истории, живущего в условиях сложного месторазвития. Возьмем то, что в русской истории называлось з е м л е й : — Новгородская земля, Псковская земля. В Европе им соответствовали государственные образования типа государства-города Венеции или — в более отдаленные времена — Афины и Спарта.

В каждом отдельном случае, при наличии сложного месторазвития, имеются особые условия, которые должны быть изучаемы всегда в индивидуальном порядке. Это требование становится понятным только теперь, когда несколько развеялись гипнозы того или иного цивилизаторского эго-центризма.

Итак, возьмем государство-город. С точки зрения геополитической морфологии, это образование является как бы переходным от примитивного государства к тому, которое нам знакомо по современности.

Новгородская земля характеризуется наличием выхода к морю и громадных пространств, годных для земледелия, скотоводства и лесоводства. Отсюда два основных рода занятий жителей господина Великого Новгорода: с одной стороны — торговля и ремесла; с другой — земледелие, охота, пушное и кожевенное

дело, и другие занятия, связанные с землей и лесом. Смешанной системе хозяйства отвечает смешанная система управления. Отсюда — как раз на примере с Новгородом — ясны выгоды индивидуализирующего геополитического подхода: Новгород — не народоправство, как настаивают одни и опровергают другие историки; и это — не аристократическая республика, с преобладанием «северных дождей» — Борецких или других. — Это есть особая форма, соответствующая особым же геополитическим условиям. И не надо смущаться, если формы Новгородского государственного устройства не входят в «рамки юридической республики», завещанных (добавим от себя) существенно иным месторазвитием. Наоборот, надобно вдохновляться богатством своеобразия различных частей нашей страны и искать соответствующего этому своеобразию определения.

Венеция тем именно и отличается от других схожих типов государств-городов, что в ней интересы торговли поглотили безусловно все остальные интересы. Поэтому, здесь и утвердилась вполне определенная и своеобразная система управления — аристократическая республика дождей. Более всего Венеция походит на Карфаген, но в Карфагене было большое религиозное и расовое разнообразие, тогда как Венеция в религиозном и расовом отношении представляла собою некоторое единство.

Мимоходом отметим, что современные попытки возродить государство-город (напр., Батум, Данциг, Фиуме и пр.) обречены на неудачу. Наша эпоха отличается бытием многосоставных государственно-экономических образований, стремящихся поглотить все, поддающееся поглощению и попадающее на пути их экспансии. Можно считать, что государство-город — форма, окончательно отмершая.

4. Следующей формой будет такая, где субъектом истории является народ или совокупность народов, живущих в условиях сложного месторазвития.

Напомним все оговорки, сказанные относительно необходимости соблюдения индивидуального подхода. Они приобретают тем большее значение, чем больше особенностей в данном месторазвитии.

С обще-принятой, собственно-политической точки зрения, государство состоит из трех слагаемых: территории, населения и власти. Основное свойство государственной территории — непроницаемость; населения — состояние в едином политическом целом; власти — независимость, суверенитет.

Иной подход геополитический. Для него важнейший момент не непроницаемость — понятие юридическое, но естественные, природные особенности и богатства территории. Поэтому, геополитик говорит не о территории, но о месторазвитии (в установленном выше смысле).

Геополитик интересуется населением не с точки зрения его принадлежности к единому политическому целому (хотя, конечно, и это факт не безразличный), а с точки зрения творческих и их способностей населения. Основным критерием будет здесь соработа, сотрудничество, участие в единой организации.

«Прикладная география — говорит пр. А. Фатеев — может до некоторой степени оттачивать проницательность и способствовать предведению в общественной политике». ⁴⁾

Для геополитика первее и существеннее формальных моментов — моменты более прочного порядка, т. е. геополитические. В то время, как политики включительно до 1910-1912 г. г. говорили о единстве политической Австро-Венгерской системы (напр., П. Б. Струве в «Патриотике»), геополитики могли предвидеть и предвидели эклектичность, агрегатность этой системы.

Геополитический взгляд на Чехию объясняет — почему не произошла ассимиляция чехов немцами. И, наоборот, — почему произошла ассимиляция немцами же поморских славян. Понятно также — почему, напр., Грузия или Армения сохранили себя в той или иной форме в течение тысячелетий, и почему в С. А. С. Ш. уже второе-третье поколение эмигрантов американизируется до неузнаваемости.

Громадная система равнин, именуемая российско-евразийским миром, как бы самой природой созданный колоссальный ассимиляционный котел. На пространствах России с замечательной наглядностью могут быть наблюдаемы два встречные процесса. С одной стороны, от центра к периферии, идет поток руссификации. С другой стороны, от периферии к центру — процесс «окраинизации», от слова — окраина (старое слово украиня приобрело новое значение). Под окраинизацией я понимаю, как возрождение национальных культур: татарской, узбекской, армянской, грузинской и др.; так и восприятие единой общероссийской евразийской культурой отдельных периферийных элементов.

Эти два встречные процесса составляют особенность геополитического мира, к которому мы принадлежим.

5. Перейдем к рассмотрению последней из форм, которая может быть названа государством-материком или государством-миром. ⁵⁾

Зарождение этой геополитической формы относится к де-

4) «География и обществоведение», Прага 1927, с. 91.

5) См. «Теорию государства» Н.Н. Алексеева, с. 27-28 и повсюду.

десятилетиям, предшествовавшим мировой войне, но обнаружение ее во всей конкретности происходит только теперь.

В государстве-материке мы встречаем чрезвычайно сложное строение как месторазвития, так и субъекта истории. Тенденция к образованию государства-материка замечается в Европе, с ее сложным месторазвитием, ограниченным на Западе, Юге и Севере морями, а на Востоке соприкасающимся с Россией-Евразией; в Америке, точнее говоря в С. Ш. С. А., с их стремлением освоить Центральную Америку и Канаду. Россия-Евразия — как это показано и показывается евразийской теорией и... исторической практикой каждого дня, есть сложившееся государство-материк.

Геополитическое изучение государства-материка является одной из основных научных тем евразийства.

К. А. Чхеидзе

ЗАМЕТКИ О ЛЕНИНЕ

УЧЕНИЕ ЛЕНИНА ОБ ИМПЕРИАЛИЗМЕ И ПОЛИТИКА КОМИНТЕРНА

В разгар Мировой войны, 11 января 1916 г.¹⁾, Ленин, находившийся тогда в Швейцарии, писал Максиму Горькому: «Сажусь за работу над брошюрой об империализме». Эта работа была готова к июлю того же года. Писалась она для легального издания в России; печатание было однако закончено уже после начала революции, в апреле 1917 г. Работа озаглавлена была Лениным «Империализм как высшая стадия капитализма».²⁾

Эта брошюра или популярный очерк, как было поставлено в печатном издании, сыграла значительную роль в развитии идейного фонда русской революции, а равно и в последующей истории международного коммунизма. Работа Ленина подвела фундамент под высказываемые им уже раньше взгляды на характер Мировой Войны и вместе послужила основанием дальнейшей тактики большевизма, как в Российском, так и в мировом масштабе.

По своему содержанию, работа Ленина построена главным образом на выводах Гильфердинга.³⁾

Самое понятие империализма не было также конечно изобретено Лениным. Ленин сам считал отцом понятия «империализм» в современном смысле слова английского экономиста Хобсона, книга которого вышла в 1902 г.⁴⁾

1) Все числа по новому стилю.

2) В печатном издании 1917 г.: «Империализмъ, как новѣйшій этапъ капитализма». По первоначальной рукописи напечатано в XIX томе второго издания сочинений Ленина (ниже ссылки на сочинения Ленина делаются всюду на второе издание, если нет специальной оговорки).

3) Р. Гильфердинг, Финансовый Капитал. Русский перевод И. Степанова, Москва 1912 (5-ое изд. Госиздат 1925).

4) J. A. HOBSON, Imperialism, London 1902.